

В системе Декарта

Александр Городницкий – несправимый оптимист

Вера Камша

Автор более чем двух сотен песен, многие из которых давно стали народными, Александр Городницкий не только один из лучших современных поэтов, но и известнейший в своей области ученый-океанограф. Городницкий бывал на Северном полюсе, более семнадцати лет отработал на Крайнем Севере, спускался в глубины океана, отыскивая следы легендарной Атлантиды. Возможно, в том, что Александр Моисеевич испытал на собственном опыте все то, о чем пишет, и кроется один из секретов его популярности.

Александр Моисеевич, в свое время химика ставили в вину Александру Бородину увлеченность музыкой, а музыканты сетовали, что он слишком отвлекается на химию. Как вам подобных претензий не предъявляют?

– Нет, хотя, возможно, выбери я что-то одно, я бы достиг большего, но я не мог и не могу расстаться ни с наукой, ни с авторской песней.

Давайте начнем с науки. Как бы вы охарактеризовали ее сегодняшнее состояние?

– Не знаю, была ли это осознанная политика или обычное наше головотяпство, но последние десять лет по отношению к российскому ученым практиковалась чуть ли не геноцид. Потому что человек, даже если он одинок и нетребователен, на зарплату менее ста долларов в месяц не выживет, а уж с семьей – тем более. И вопреки этому наука в России не только не умерла, но и движется вперед. Более того, приходят молодые люди, фанатично преданные науке, которые работают за идею, хотя это и неправильно. Во всех странах мира давно поняли, что ученые должны жить по-человечески, а у нас по-прежнему все держится на подвижниках. Разумеется, я сужу по тому, что происходит в моей отрасли.

Недавно я участвовал в проходившей в Питере международной конференции, посвященной исследованию срединных хребтов Мирового океана. Меня несказанно порадовало, что там выступали не только мои замшелые ровесники, которым больше некуда деться, но и ученые следующего поколения. Некоторые работают с иностранцами, но большинство действуют самостоятельно и никуда уезжать не намерены. Эта конференция лично мне продемонстрировала высокий уровень российской науки и тех исследований, которые сегодня ведутся, особенно в области изучения Северной Атлантики и Северного Ледовитого океана, по которым у советской, а теперь у российской науки по-прежнему находится контрольный пакет данных. За нашей спиной многолетние исследования, не имеющие равных в мире.

Даже самым далеким от океанографии людям хочется знать, была ли Атлантида и если была, то где. А вы ведь ее вроде бы нашли.

– Я уверен, что Атлантида была, а насчет «где» у меня есть собственное мнение, подкрепленное научными данными, и оно отличается от общепринятого. Но говорить о том, что кто-то «нашел» Атлантиду, можно будет только после того, как теория будет подтверждена практикой.

Если не ошибаюсь, несколько лет назад такая экспедиция планировалась?

– Да, под эгидой ЮНЕСКО, но уву... Грянул дефолт, и нам стало не до Атлантиды. Говорят, французские недавно что-то нашли. И чуть ли не там, где мы и предполагали, но я сам никаких сообщений пока не видел.

Ну а мы сегодня занимаемся гораздо более прозаическими и неприятными вещами. Ищем в Балтийском море оставшиеся с войны захоронения химического оружия, так как Балтика сейчас, к несчас-

тью, – область экологической угрозы.

– Александр Моисеевич, теперь, если можно, перейдем к вашей творческой ипостаси. У вас только что вышла новая книга.

– Называется она «И жить еще надежде». Это мои воспоминания, в которые частично вошла старая книга «След в океане». В частности, я много рассказываю и об Окуджаве, и о Льве Разгоне и о других людях, с которыми меня стлкнула судьба. Еще одна новая тема – это развитие русской авторской песни в эмиграции, в частности в Израиле и в Германии, ведь песня, слово – это то немногое, что можно увести с собой за границу, куда люди уезжали и уезжают отнюдь не от хорошей жизни.

– А с чего для вас началось авторская песня?

– На одной из встреч мне задали вопрос, кто был моим любимым бардом, когда я учился в школе. И я растерялся, не зная, что ответить... В то время никаких бардов и менестрелей в России не было и просто быть не могло, а появились они, товарищ Сталин очень быстро разоблачил бы со столь упадочническим и чуждым искусством. Можно было, конечно, назвать Пушкина, но тогда я еще не открыл, что он среди всего прочего был еще и автором-исполнителем. Известно, что он напевал свои стихи Анне Петровне Керн, а если проанализировать цитируемую Александром Сергеевичем якобы народную песню «Как за церковью за немецкой», создается полное впечатление, что она написана им самим.

– Но это очень отдаленный исток, а что стало началом авторской песни в том виде, в котором мы ее знаем?

– Булат Шалвович Окуджава как-то сказал, что авторская песня родилась и умерла на московских кухнях, но для меня это было не так. Я к ней шел словно бы с двух сторон. От Марка Бернеса, а точнее, с «Темной ночью», в которой впервые зазвучали доверительные и очень личные интонации, столь несвойственные советскому официальному искусству – мажорному и обезличенному. Вторым толчком стали песни, услышанные на Севере, которые меня поразили до глубины души. Когда я пытался узнать, кто же автор, то мне суровые мужики объясняли, что песня народная, а автора скоро выпустят.

– Что-то подобное, помнится, говорили и про некоторые ваши песни.

– Если бы! Мне на Кольском полуострове показали... могилу человека, написавшего «На материк». Причем показавшие были так уверены в своей правоте, что я не рискнул признаться в авторстве, люди они были серьезные, вдруг бы решили настыть на своем.

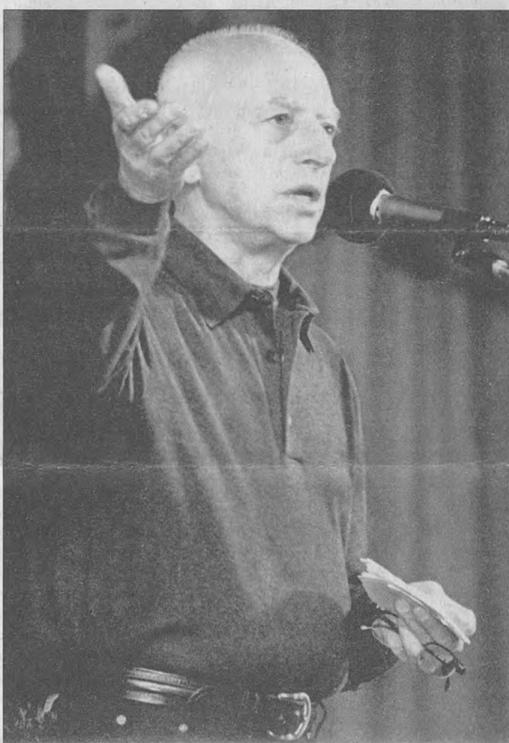
– Это был единственный подобный случай?

– Когда я не сказал, что это я? Нет, были и другие. Однажды я спрятался за ошибку диктора одного из «голосов», который назвал автором «Чистых прудов» Юрия Визбора. Дело было на корабле в присутствии особиста, который уже предвещал, как сделает меня невыездыным, так что пришлось поступиться авторством. А недавно произошел забавный случай с еще одним стихотворением. Меня уговорили сходить на прием к врачу-психотерапевту. Блокада, Крайний Север и глубоководные погружения здоровья и нервы не укрепляют, так что пришлось идти проверяться. Как водится, мне предложили разные тесты и все такое прочее. Потом врач, интересная молодая дама, все посмотрела и говорит, что мне нужно избавиться от страха, а я ей возьми и прочитай: «Припомним изречение Декарта: / Предмета страха избавиться нельзя./ Ведь, убежав, уносишь страх с собою./ Не лучше ли без ноши, налеге./ Навстречу нежелательному бою/ Идти вперед со шагаю в руке».

Результат получился удивительный, так как психотерапевт меня попросила переписать текст для других больных, а мне

Выпускник Горного института. 1957 год.

Ученый и поэт Александр Городницкий.

Фото Павла Корнеева

самому велела... брать пример с автора, у которого точно нет и не может быть таких проблем, как у меня. Мне стало ужасно стыдно, и я тихо-тихо от нее ушел, не признавшись, что автор – это я...

– Я слышала, что недавно произошло очередное приключение с «Женой французского посла»?

– А с ней постоянно что-то происходит. Я уже устал повторять, что, во-первых, песня написана давно, когда я еще имел моральное право на некоторые фривольности, а, во-вторых, ничего не было. Тем не менее отзывы моих сенегальских походов продолжают поступать, причем в самых неожиданных формах. Недавно мои сотрудники (а я в свободное от песен время заведу научной лабораторией) притащили мне лавородной женский роман. Там все как положено: герой и героиня много и с выдумкой занимаются сексом, а в перерывах ходят в гости и иногда разговаривают. И вот герой дается, все потопляема и неуничтожима. Более того, чем хуже живет страна, тем выше и чище звучат голоса поэтов, это подтверждает вся история нашей страны. Да, был у нас недавно короткий период, когда казалось, что вечные российские проблемы и противоречия остались позади, СССР. И вот этот друг Стива, будучи в Сенегале, имел бурный роман с женой французского посла, после чего ему другие женщины не нужны. И

Чем хуже живет страна, тем выше и чище звучат голоса поэтов, это подтверждает вся история нашей страны

выходит на большое русло. Это вполне естественно. В целом же за авторскую песню в России я совершенно спокоен, потому что она, так же как и российская поэзия, в отличие от науки не потопляема и неуничтожима. Более того, чем хуже живет страна, тем выше и чище звучат голоса поэтов, это подтверждает вся история нашей страны. Да, был у нас недавно короткий период, когда казалось, что вечные российские проблемы и противоречия остались позади, СССР. И вот этот друг Стива, будучи в Сенегале, имел бурный роман с женой французского посла, после чего ему другие женщины не нужны. И

Александр Городницкий в Южной обсерватории читает лекцию об Атлантиде.

С любимым поэтом и человеком Александром Кушнером. 1971 год.

Фото из семейного архива

он написал песню, посвященную его французско-сенегальской любви.

– А если серьезно, то как вы оцениваете сегодняшнее состояние российской авторской песни?

– Авторская песня живет и развивается по законам реки: она то мелче, то глубже, то быстрее, то медленнее, то течет через пороги и перекаты, то вновь

нула в несколько другое русло. Были утрачены ее функции как неподцензурного искусства по причине фактического исчезновения цензуры (сейчас у меня на сей счет нехорошие предчувствия, но пока только предчувствия). Снизились и потребности в бардовской песне как в форме самовыражения, так как из эпохи исторического материализма мы въехали в мир воин-

ные добывают деньги и пробивают проекты. Если в старые времена существовал жесточайший идеологический пресс, то сейчас не менее жестким фильмом стали требования тех, кто дает деньги.

– Вы говорите об этом в прошедшем времени?

– Лучше сказать – в прошедшем. С одной стороны, люди устали от разнудности и агрессивной безкусы, им хочется настоящего чувства, настоящих мыслей, настоящей красоты. С другой стороны (и это достаточно неприятно), у меня такое ощущение, что мы сейчас на пороге нового этапа авторитаризма. Мне представляется, что мы идем к постепенному, тихому, без объявления войны и громких лозунгов, выдавлива-

нию всех уцелевших элементов демократии. И вот тут-то, если вернуться к авторской песне и поэзии, появляется обширное поле для направления Галича, то есть осознанного и конкретизированного протеста, и для направления Высоцкого с его «все не так, ребята». Конечно, я бы предпочел, чтобы в моей родной стране мы жили спокойно и свободно и потребности в магнитофонизате новой генерации не возникло бы, но слухом светлых перспектив (если брать политический аспект) я не вижу. Так что за поэзию и авторскую песню можно быть спокойным.

– А вам не кажется, что наряду с потребностью в самиздате в народе существует куда более выраженная потребность в пресловутой сильной руке?

– Разумеется. Тот же Лукашенко всенародно избран, нравится кому-то это или нет, но белорусы хотят именно его. В России абсолютно законно и единодушно избран Путин. Так что потребность в твердой руке, которая наведет порядок, существует в широких массах нашего замечательного населения. У России нет исторических традиций демократии. Мы тем и отличаемся от Европы, что там уже лет полтора в главе угла стоит личность, человек, а у нас было и есть государство, государственные интересы.

Конечно, проще всего это объяснить серостью и невежеством широких масс населения, но нельзя отмахиваться и от того не пального факта, что в «демократический период» люди ничего, кроме вора, которое пришло к ним на волне перестройки, и последующей приельцинской мафии, не видели. Народ устал от нищеты, воровства, неплатежей зарплат, разгула преступности, а единственная знакомая историческая система, когда этого нет, – тоталитаризм.

И это не только к России относится. При Гитлере в Германии была самая низкая преступность, куда меньшая, чем сегодня. Потому что вместо множества преступников-единоличников был один преступник – государство.

– Александр Моисеевич, а вы согласны с Галичем, сказавшим о тех, кто претендует на однозначное лидерство: «Не верьте ему! Гоните его! Он врет, он не знает, как надо!»

– Безусловно, согласен. Если человек бьет себя в грудь и кричит, что он говорит от имени народа, от имени страны, значит, он жулик.

– Вопрос, который вам наверняка уже надоел. Вы почти тридцать лет живете в Москве. Вы стали москвичом или продолжаете ощущать себя петербуржцем?

– Ощущаю я себя ленинградцем. Именно ленинградцем, а не петербуржцем, хотя имперская история этого города вызывает у меня и восхищение, и интерес. У меня много стихотворений посвящено Петербургу, но сам я ленинградец, хотя наша семья – выходцы из города Могилева. В начале 20-х годов мой отец и мать уехали учиться и работать в Ленинград, но я продолжаю считать Белоруссию своей исторической родиной. Тем более что в 1942 году фашисты уничтожили всех моих могилевских родственников, в том числе и бабушку по отцовской линии, и теток. Белорусская земля над всегда является для меня родной, потому что там остались мои предки.

– В этом ключе несколько удивляет позиция, которую вы занимаете по отношению к открытию в России мемориальных немецких кладбищ.

– Было бы очень страшно войти в новый век с ненавистью и пережитками войны, отголосками, осколками, которые, как осколки от снарядов, застряли в наших душах. Это те семена, которые, как в древнегреческой легенде, могут прорасти ненавистью и новой войной. И в меру своих сил уничтожать их для себя считаю принципиальным.

Что до самой идеи, то о немецких кладбищах мне рассказывал Даниил Гранин, который был активным сторонником этого дела. Но дальше я действовал по собственному убеждению. И когда моя близкая приятельница Наташа Кашперович сообщила, что германское видение очень заинтересовано в моем участии в этой акции, так как я для них знаковая фигура – еврей, блокадный ребенок, родственник уничтоженных фашистами, – я согласился.

– Песни о примирении вы написали по заказу немецкого телевидения?

– Первую я написал под влиянием выставки детских рисунков, посвященных войне; вторая написана по заказу, но я не смог бы ее написать, не будь она созвучна моим чувствам, моим мыслям.

Так вышло, что Бог словно бы ведет меня по точкам моего военного детства: блокада, кладбище в Сологубовке, а теперь деревня Корпово в Новгородской области, где открыто второе мемориальное немецкое кладбище. В июле 1941 года я попал в число нескольких тысяч ленинградских детей, которых в начале войны вывезли из Ленинграда. Увы, сделано это было, как все у нас делается, «талантливо»: план эвакуации был составлен на случай войны с белофиннами, меня вместе с матерью, которая была школьной учительницей, и другими детьми младшего школьного возраста отправили под Старую Руссу. В ту самую деревню Корпово, про которую спустя шестьдесят лет я написал песню. Впрочем, в 1941 году мы там не задержались. Фронт в Корпово пришел раньше, чем под Ленинград. Уже в августе там проходила линия обороны, и нас под бомбами с большим трудом вывезли назад в город, а потом ловушка захлопнулась, и началась блокада.

– Вы часто бываете в Германии. Как вам кажется, для немцев фашизм действительно пройденный этап?

– Надеюсь, что да. Во-первых, наряд в одну воронку дважды не падает, во-вторых, в современной Германии, слава Богу, карают даже за ношение фашистской атрибутики. Я своими глазами видел демонстрацию в Берлине, в годовщину начала Холокоста 1938 года, и там шли одни немцы, лично я не видел ни одного еврея. Я спросил, в чем дело, и какой-то молодой человек мне терпеливо объяснил, что произошло тогда – позор нации. Это чувство раскаяния настолько глубоко в нынешних немцах, что фашизм может подняться где угодно, но не в Германии.

– Сейчас нет-нет да раздаются голоса, что зря мы войну выиграли...

– Для меня ответ очевиден. Если бы шестьдесят тысяч немецких солдат не легли под Старой Руссой, если бы, не дай Бог, Ленинград не устоял, нашего с вами разговора просто не было бы. Другое дело, что нельзя годами, десятилетиями жить ненавистью. К счастью, это в России понимают. В дни 60-летия начала блокады я чуть ли не целый день простоял у памятника Достоевскому на Владимирской площади, где корреспонденты спрашивали прохожих, что для них значит блокада, испытывали ли они ненависть к немцам и раздражение, слыша немецкую речь, и так далее. Так вот все без исключения – от 93-летней старухи до каких-то панков с серьгами в носу и ушах – отвечали, что дело не в немцах, а в фашизме, что народ не виноват. И я понял, что в своих мыслях не одинок, хотя бывает и другое. В той же Сологубовке молодая женщина, ухаживающая за немецкими могилами, говорила, что на пятьдесят шестом году Победы ей вслед кричат «немецкая подстилка». В ком-то ненависть остается, но мы не можем, не имеем права тащить ее в новый век.

– А вообще вы оптимист или пессимист?

– Несмотря на некоторые свои мрачноватые стихи и заявления, несмотря на свой возраст, я – оптимист, причем убежденный. Впрочем, иначе в России просто не выжить. Мы – страна несправимых оптимистов.